

*

С того момента прошло два дня, прежде чем я наконец-то увидел Аяку.

В комнате, которая была бесцветной, но исключительно светлой, Аяка лежала на матрасе. Я думал, что Аяка будет окружена множеством типов трубок и неизвестной машиной, что сделает её похожей на пугающую подушечку для булавок; но на самом деле на её руке висела всего лишь капельница. Я узнал только лицо Аяки. Её волосы были полностью выбриты. А её плотно закутанная голова, лежавшая на подушке, казалась очень маленькой по сравнению с ней.

Я сел на круглый стул и смотрел на бледные веки, которые больше не открывались. На другой стороне кровати доктор объяснял матери Аяки разницу между вегетативным состоянием человека и смертью мозга.

Я подумал про себя: Да какая разница?

Нет возможности ни говорить, ни смеяться, так в чём же разница?

Почему никто не обращает внимания на моё присутствие? Я ничего не понимаю. Это, вероятно, потому, что я пришёл сюда рано утром, хотя уже было время школы, и меня приняли за её семью? Затем врач начал говорить о плате за эвтаназию и систему жизнеобеспечения, но это мог быть и не врач, а беспощадный человек из страховой компании. Вы все должны просто заткнуться. Почему ты говоришь всё это при Аяке, как будто ничего не случилось?

Почему это случилось с Аякой?

Меня внезапно начал переполнять гнев.

Это всё чья-то вина, кто-то загнал Аяку в тупик. Что же Бог написал на странице Аяки в своей записной книжке? Это была глупая мысль, но я не мог её остановить. В месте, о котором я не знаю, даже если кого-то зарежут, застрелят или переедут, мне безразлично всё, кроме Аяки.

Я обнял колени на твёрдом круглом больничном стуле, сдерживая глупые мысли, взорвавшиеся в моем сердце.

После этого мои одноклассники несколько раз приезжали навестить Аяку. По сравнению с тем, как они увидели Аяку, они были удивлены ещё больше, когда увидели меня. Мне показалось, что они пытались поднять настроение и говорили нечто вроде 'взбодрись, ты не можешь прогуливать школу' или что-то подобное, но по правде говоря, я не могу отчётливо это вспомнить.

В конце концов, я остался единственным человеком в палате. Остались только я и пустая оболочка Аяки. Зимний солнечный свет, пробивавшийся сквозь занавески, был медленным и слабым.

Я не смог этого принять, а потому сдвинул с места своё окоченевшее тело, выбежал из больницы, вернулся домой и закрылся в своей комнате.

*

На протяжении последующих двух или трёх дней я даже не выходил из своей комнаты.

Мне больше не хотелось идти в больницу, потому что я не хотел видеть своих одноклассников, и мне было грустно, когда я видел Аяку.

Моя сестра постучала в дверь и сказала: "Ты ведь уже неделю не ходишь в школу, да?" Я молча покачал головой. Даже не видя выражения моего лица, она поставила перед дверью большую миску с овсянкой и принялась за работу.

Я даже не притронулся к ней и оставил кашу остывать. Только в полдень я открыл окно, которое не открывал три дня, и вдохнул свежий воздух. Мои лёгкие и горло горели, выделяя белый дым так отчётливо, что его можно было поймать руками. Солнечное небо было таким ослепительным, что у меня заболели глаза.

Последние мгновения, которые я пережил с Аякой на крыше, были в такой же солнечный день.

Я был растерян от того факта, что всё обернулось именно так. Просто кто-то, кроме меня, совершающий самоубийство, просто кто-то, кроме меня, кто больше не будет улыбаться и не откроет рот, вот и всё.

Тот я, что существовал три месяца назад, наверно, сейчас бы посмеялся надо мной, да? Или -

Внезапно раздался звонок в дверь, что заставило меня спрятаться под окнами. В тот момент, когда я замёрз, в дверь позвонили дважды, трижды, а потом ещё раз. Резкий звук электрического дверного звонка пронзил мои барабанные перепонки. Кто это был? Зачем они это сделали? Может, это ребёнок решил пошутить?

Наконец дверной звонок замолчал, и послышался звук работающего двигателя. Я взглянул на дорогу за окном и увидел тощий силуэт, одетый в камуфляжную одежду, отъезжающий на мотоцикле и исчезающий за углом.

Это был Майор.

Зачем Майор приходил ко мне домой?

Я сбежал вниз по лестнице и открыл входную дверь. На пороге стоял чёрный ящик, и на нём белыми буквами были написаны знакомые слова - Ханамару. Дрожащими руками я поднял коробку, оторвал ленту и открыл её.

Оттуда вырвался белый дым. В белёсом твёрдом сухом льду лежали два круглых прозрачных пластиковых стаканчика, а сверху-мороженое, посыпанное шоколадной пудрой.

Тирамису.

'Потяни меня.'

Я перенёс коробку на кухню и сел на пол. Я достал чашку и набил полный рот мороженого. Глотать еду было ненормально тяжело, я подавился вторым куском мороженого. Мороженое, которое было холодным, сладким и болезненным.

Покончив с мороженым, я смотрел на сухой лёд в коробке, пока он не закончил сублимацию и не исчез. Тяжесть и холод в моих коленях, наконец, прошли после долгого, долгого времени.

Когда я принял ванну, я почувствовал, что всё моё тело обновилось.

Наконец, было пять часов вечера. Затем я вытерся и вышел за дверь.

*

Я не появлялся в рамэнной лавке неделю, но всё казалось другим. В лавке было полно покупателей, люди даже держали миски на стульях и на ящиках из-под пива. Это просто обычный вид на рамэнную, вот только Аяки там не было.

Минсан на мгновение взглянула на меня, стоявшего у входа. Офисные работники, которые жевали пельмени, читая спортивные новости, тоже уставились на меня.

Мин-сан сказала: "Ты же прикончил две порции мороженого?" Я кивнул.

"Вот как? Одно из них было для Аяки."

Слова Мин-сан пронзили моё сердце.

Я вышел из ярко освещённого входа в лавку и направился к задней двери кухни, но увидел только силуэт Тетсу-сэмпая в темноте. Сэмпай сидел на второй ступеньке лестницы и читал журнал о машинах патинко. Я даже не знал, что сказать, поэтому мог только молчать, прислушиваясь к голосам людей, заказывающих еду, и звукам сталкивающихся столовых приборов.

Тетсу-сэмпай наконец встал. Я удивился и поспешно выпрямил спину.

"Наруми, ты же хотел, чтобы я научил тебя боксировать, верно?"

"..... А? О, да.....верно."

"Я должен тебе двести тысяч, так что буду учить тебя бесплатно в течение двухлетнего курса."

"Сэмпай....."

"Становись и снимай своё пальто."

Словам Тетсу-сэмпая было сложно противиться. Я встал и снял пальто.

"Зачем ты хочешь научиться боксировать?"

Я тупо уставился на Тетсу-сэмпая, потом опустил голову и посмотрел на свои грубые руки.

"..... Это потому, что я хочу стать сильнее..... "

"Хм, а какой самый кратчайший путь к становлению сильным?"

"Э? Это практика?"

"Нет, правильный ответ это....."

Тетсу-сэмпай достал из сумки рядом с собой два свертка бинтов.

"Надень бинты."

"А?"

"Разница между боксёром и обычными людьми заключается не в том, что они сильны или слабы, а в том, что они не могут бить других людей бессмысленно. Когда ты бьёшь других

людей, твои кулаки будут болеть, и больно будет другому. Когда ты думаешь, что другому человеку тоже будет больно, ты больше не сможешь его бить. Надень бинты."

Тетсу-сэмпай крепко обмотал мои кулаки бинтами. Мои сжатые кулаки даже не были похожи на мои собственные. После этого сэмпай достал боксерскую грушу и взял её на руки.

"Давай! Ударь меня! Всё будет хорошо."

Я опустил голову и начал колебаться. Я не мог поднять кулаки.

"Просто начни! Иногда людям лучше поискать что-нибудь, что можно ударить. Не думай ни о чём, просто начни!"

Я поднял голову и увидел, что сэмпай улыбается.

"Я приму твои слабые, бессильные удары."

Мои плечи задрожали, и вязкая жидкость поднялась от верхней части моей талии к бокам. Если бы я просто стоял там, не двигаясь, я бы, вероятно, просто закричал без причины, поэтому я выбросил вперёд свои крепко сжатые кулаки.

Справа, слева, справа я непрерывно бил по большому силуэту Тетсу-сэмпая.

Мой вытянутый правый кулак издал звук "донг" и был поглощен боксерскими перчатками. Глухая боль передалась моим локтям и плечам. Мне было всё равно, и я ударил его левым кулаком. Столкнувшись с боксерскими перчатками, как только я выпрямил руки, боль можно было почувствовать даже сквозь зубы. Справа, слева, справа я непрерывно бил по большому силуэту Тетсу-сэмпая. Несмотря на то, что я много бил, плотно сжатые боксерские перчатки принимали мои кулаки, отражая атаку назад к моему телу. Это больно. Когда ты бьёшь людей, собственное "Я" будет чувствовать боль. Это простой и убедительный факт. Чувствовала ли Аяка боль и в этот момент? Или у неё не было времени почувствовать боль? Пот заливал мне глаза, затуманивая зрение. Я слышал только своё учащенное дыхание и звук ударов по боксерским перчаткам. Это настоящий звук, который принадлежал мне, и настоящая боль.

Не знаю, как долго шла тренировка, но не успел я опомниться, как уже стоял, согнув спину и тяжело дыша, держался за изношенные шины. После спонтанной тренировки у меня звенело в ушах и болела грудь. Пот стекал со лба на подбородок.

Именно тогда я и понял, зачем пришёл в рамённую лавку-ради Аяки и себя самого.

Я поднял голову и увидел, что Тетсу-сэмпай расслабился.

"Хочешь ещё немного попрактиковаться?"

Я отрицательно покачал головой.

"Спасибо..... тебе, это..... всё на сегодня."

Я снял бинты и вернул их сэмпая, моё тело всё ещё горело. Это вполне естественно, так как я всё ещё жив. Возможно, Аяка и не чувствует больше этого жара, но, по крайней мере, я могу стоять на своих двоих.

"Я пойду проведать Алису."

*

Комната тускло освещалась десятками мониторов. Алиса сидела на кровати. Скорее всего, это было из-за её чёрных, приторных волос, но её силуэт походил на вазу, которая была наполнена огнями звёздного неба.

"Так я выражаю свою скорбь, потому что иной способ мне не известен,"

Сказала Алиса повернутая ко мне спиной. В темноте Алиса быстро стучала по клавиатуре, и этот звук был похож на выстрелы скорострельной автоматической винтовки, используемой в войне, которая шла на другой стороне Земли.

"Я проверила записи медицинской карты Аяки, знаю, на самом деле мне не стоило этого делать. Вероятно, ты более остальных понимаешь, что Аяка больше никогда не оправится, так как ты сам видел всё своими глазами."

Не сможет—оправиться.

Это правда? Хотя врачи говорили, что Аяке, возможно, придётся пролежать на кровати всю свою жизнь, проводя дни в вегетативном состоянии.

"Однако ты всё равно пришёл меня навестить. Я действительно думала, что ты закроешься в своей комнате или попытаешься покончить с собой."

"Вот как?"

Я присел перед кроватью. Алиса перестала печатать на клавиатуре и обернулась. Цветастая пижама под лучами монитора была цвета ртути, в то время как её глаза выглядели так, словно они рассыпались бы от прикосновения и испускали слабый луч света.

"..... Ты даже не разозлишься, если я скажу это?"

"А?"

"Нет, ничего, это моя вина."

Мне кажется, я услышал нечто невероятное, Алиса действительно извинилась передо мной.

"У меня нет причин злиться. Если бы обо мне никто не позаботился, то меня, скорее всего, ждала бы участь, описанная тобой."

"Правда? Тогда ты должен быть благодарен владелице лавки, которая так хорошо делает мороженое."

Я кивнул головой.

"Говори свою просьбу!"

"Алиса, ты ведь детектив, верно?"

"Я не обычный детектив, я НЕЕТ детектив!"

"Тот, кто может обыскать весь мир, не выходя из комнаты, и узнать правду?"

"Всё так, как ты сказал." Алиса показала свои печальные глаза, насмешливо улыбаясь.

Разумеется, я не верю в её громкие заявления, но мне больше не к кому обратиться.

"Тогда....." Я сглотнул. "Я хотел бы попросить тебя кое-что выяснить для меня."

Я говорил это сам, однако, это звучало несколько чудно."

В этот момент на меня уставились большие глубокие глаза Алисы, и я почувствовал боль от остановки дыхания. Молодая девушка спросила слабым голосом:

"Что же ты хочешь знать?"

"Почему так вышло с Аякой?"

Алиса опустила свои длинные ресницы и выглядела так, будто задумалась, а также словно она слушала звук, который не могла слышать.

".....Ты всё ещё помнишь, что я сказала ранее? Детектив-это посланник умерших, который ищет слова, затерявшиеся в их могилах, причиняющий боль живым ради защиты чести умершего и осуждающий мертвых ради утешения живых."

"Я помню."

Алиса открыла свои глаза.

"Тогда я спрошу тебя ещё раз, моё расследование может раскрыть то, что Аяка хотела скрыть, или даже разрушить твою невежественную, но мирную жизнь. Ты всё ещё желаешь знать, несмотря на это?"

Пусть так—

Даже так, я--

"Я всё ещё хочу знать."

Алиса тяжело вздохнула.

"Я поняла, в таком случае я принимаю твой заказ. Платить тебе не надо, потому что я и сама хочу знать ответ."

Я широко открыл глаза.

"..... А?"

"Я уже поняла, что ты хочешь узнать, хотя всё это уже слишком поздно....."

"Т- Тогда....."

Резкий голос Алисы прервал мои слова.

"Всё уже и так ясно, тебе нет нужды размышлять о том, почему Аяка хотела умереть, я хочу знать не это."

"Что ты имеешь в ви....."

"Что я хочу знать, так это то, 'Почему Аяка выбрала для смерти школу'."

Я на мгновение остолбенел и не понял, что хотела сказать Алиса.

"За день до того, как она покончила с собой, был понедельник, и Аяки не было в школе, ты тоже знаешь об этом. Но, по словам очевидцев, Аяка по какой-то причине пошла в школу после окончания занятий и не вернулась домой. В понедельник вечером Аяка уже спряталась на крыше, а затем дождалась утра, чтобы совершить самоубийство, спрыгнув с крыши. Ты меня понимаешь? Аяка не просто импульсивно побежала на крышу школы, чтобы покончить с собой, она с самого начала решила покончить с собой именно там. Почему она так поступила?"

Я почувствовал, как по моей спине пробежал холодок.

Причина, по которой она решила умереть в школе. Выбор.....места, где она оборвёт свою жизнь?

"Я не понимаю. Я не понимаю, зачем Аяка решила наложить на себя руки в школе, но я должен узнать. Поэтому мне нужна твоя помощь, ведь последние два месяца ты была к Аяке ближе всего."

"Я.....? Почему? Зачем ты хочешь узнать об этом?"

Алиса приподняла одну бровь, при этом глаза её были широко открыты, она словно злилась или была озадачена.

"Почему? Почему я хочу узнать? Ты спрашиваешь меня об этом? Ты, кто хотел узнать, почему Аяка совершила самоубийство, на самом деле спрашивал у меня это?"

"Ах....."

"Так же как и ты, я хочу знать причину, по которой Аяка решила покончить с собой, потому что должна была помешать ей это сделать. Если бы я знала об этом раньше, если бы знала гораздо больше, я сумела бы предотвратить самоубийство. Это моя вина, что Аяка оказалась в таком положении. Даже если это уже произошло, я должна знать об этом, несмотря на то, что уже слишком поздно. Если я этого не сделаю, то я могу, я могу....."

Алиса звучала так, словно её загнали в угол и несколько раз повторилась. Я подавил эмоции, скопившиеся в моей груди. Но что за эмоции испытывала молодая девушка передо мной? Тоска, боль и бессилие.

"Ты pomoжешь мне? Пусть это будет платой за твой заказ."

Алиса смотрела на меня так, как утопающий смотрит на соломинку, слабые лучи света, звёзды в стекле, которые, казалось, вот-вот разлетятся вдребезги.

Её руки потянулись к моей руке—

И я взял их.

"Я понял, так что я буду твоим ассистентом, верно?"

Алиса услышала мой ответ, и на её лице появилось удивленное выражение.

Холодные пальцы.

Влажные глаза, наполненные тьмой.

Все они растаяли в тёплой улыбке.

<http://tl.rulate.ru/book/31528/731456>